

Стилевые и социолингвистические уровни праславянского языка –  
словарь и словообразование

1. Праславяне – наследники не только праиндоевропейского языка, а и праиндоевропейской культуры, включая ее вербальное выражение, прежде всего лексику и фразеологию культа с их устойчивыми словосочетаниями и словообразовательными моделями. Уже полтора столетия они являются предметом исследований направленных к реконструкции того, что традиционно называется «индоевропейский поэтический язык» как перевод нем. *Indogermanische Dichtersprache*. Возникшее на стыке индоевропейского сравнительного языкознания и старой сравнительной мифологии девятнадцатого столетия, это исследовательское направление пережило крах последней на рубеже века и обособилось, развиваясь в наши дни независимо от «новой сравнительной мифологии», хотя и не без взаимных влияний; обогащённое методологическими подходами структуральной лингвистики, оно перерастает в реконструкцию минимальных фрагментов праязыкового текста. История исследований до конца шестидесятых иллюстрируется книгами Рюдигера Шмитта, достижения в последующих сорок лет книгой Уоткинса, парижским сборником и другими (1). Здесь надо подчеркнуть неотделимость, в праиндоевропейском культе, ритуальных действий от его вербального аспекта, отражающуюся в двухзначности ряда корней (пункт 1.1. ваших проспектов). Следовательно, «индоевропейский поэтический язык» был для древних индоевропейцев прежде всего средством общения с сверхчеловеческими существами и по этому обозначался как «язык богов» в отличие от «языка людей», т. е. обычной речи. У Гомера, последнему приписываются обычные языковые обозначения своих предметов, неанализируемые и отчасти иноязычного происхождения, а «языку богов» – слова описательные, стилистически маркированные. Подобное различие проводится в древнеисландской литературе, в тесной связи с для неё характерной метафорикой кеннингов (пункт 1.2). Реконструируемые формулы «индоевропейского поэтического языка» в большинстве своём культурно-мифологического характера, но есть и такие, сосредоточенные на понятии «героической славы», свидетельствующие, что уже в праиндоевропейскую эпоху существовала своего рода эпическая поэзия (пункт 1.3).

В этой реконструкции краеугольными камнями являются древнеиндийская с древнеиранской и древнегреческая традиции, а данные славянских языков играли пока мало значительную роль. Объяснение тому можно искать в двух направлениях. Лексическая консервативность того, что мы реконструируем как праславянский язык, релятивизируется рядом инноваций. На пример, в формуле «Земля Мать» праславянский сохранил оба её члена, тогда как в «Небо Отец» оба замещены другими словами (пункт 2). То же самое можно сказать о древних лексических оппозициях, противопоставляющих человека божеству как земного существа небесному или как смертного бессмертному, исконно поэтический характер которых иллюстрируется маркированностью гомеровских обозначений *brotós* и *epikhthónios* по отношению к немаркированному (и непрозрачному) *ánthrōpos*; в паре \**bogъ* : \**čelověkъ* такого противопоставления, пожалуй, нет (пункт

**2.1).** Всё-таки, если обе оппозиции исчезли из основного словарного фонда, их возможные следы сохранились. Праие. обозначение божества как «небесного» *\*dēiγos* лежит в основе слав. прилагательного *\*divъjъ* «дикий», как это явствует из балтийских и анатолийских соответствий (пункт **2.1.1**). Метонимическое обозначение человека словом *земля* в сербском заговоре, древность которого подтверждается литовскими параллелями, указывает на бывшее существование и в раннепраславянском слова в значении «человек» восходящего к тому же корню *\*zem-* (пункт **2.1.2**). Если *\*čelovĕkъ* безусловно является праславянской инновацией, всё-таки можно как альтернативу традиционному анализу «дитя рода» принять во внимание нами предложенную этимологию, преимущество которой в том, что для объяснения второго члена она не нуждается в неславянском языковом материале: речь шла бы не о словосложении типа татпуруша из социальной сферы, а о бахуврихи «тот, у которого срок жизни ограничен, эфемерный» основывающемся на вышеуказанной «онтологической» оппозиции и.-е. поэтического языка (пункт **2.1.3**).

Другой причиной символической представленности славянских данных в синтезах вроде диссертации Шмитта надо считать недостаток, на славянской стороне, перворазрядных источников, сравнимых по древности с гимнами Ригведы и Авесты, гомеровскими поэмами, даже с гораздо позднее зафиксированными скандинавскими Эддами. Этот недостаток отчасти компенсируется возможностью внутриславянской реконструкции, в итоге которой получаются общеславянские словосочетания, восходящие к дописьменной эпохе и к праславянской общности. Эти фрагменты праславянского текста, не моложе середины первого тысячелетия хр. э., составляют уже прочную основу для дальнейших сопоставлений на индоевропейском уровне. Устойчивости устной речи благоприятствует стихотворная форма, и потому неудивительно, что самые надёжные случаи сохранения реликтов индоевропейского поэтического языка у славян находим в тех формулах эпической поэзии, праславянский характер которых утверждается, как правило, на основании восточнославянско-южнославянских соответствий. И в былинах и в южнославянском эпосе отражена праие. и прасл. формула «Мать земля», только с различными определениями на востоке и на юге (пункт **3.1**). Оба могли бы восходить к праиндоевропейским образцам. «Чёрная» находит семантические параллели в древнегреческом и анатолийском ареалах, «Сырая» возможно и этимологические – древнегреческие и германские (пункты **3.1.1** и **3.1.2**).

В нередких случаях этимологической тождественности определяемого и только семантического совпадения в определяющем приходится подозревать в параллельных развитиях без генетической связи. Однако, учитывая эксклюзивность изоглоссы псл. *\*čudo* = гр. *kýdos*, сопоставление прасл. (серб. и русс.) эпической формулы *\*veliko čudo* и гом. *méga kýdos*, при сходности употреблений, проявляет общее индоевропейское наследие (пункт **3.2**). Оно возможно даже в случаях, когда данное словосочетание подтверждено только в одной части славянского мира, н. пр. рус. *слава великая* как эквивалент гомеровскому *méga kléos*, ведийскому *máhi śrávas* (пункт **3.3.1**). Надо принять во внимание и случаи, когда совпадение ограничивается значением неродственных между собой членов; всё же не

исключено, что речь идёт о трансформации одной и той же праязыковой формулы (пункт 3.3.2).

Местом сохранения интересующих нас реликтов является и ономастикон. Самое выражение для давания ребёнку имени в праславянском, *\*jьmę (na-)děti*, продолжает праие. формулу (пункт 4). Многие сложные имена представляют собой окаменевшие словосочетания языка эпоса и культа, в частности – антропонимы с вторым членом *°kleues-*, слав. *°slavъ* (пункт 4.1). Наряду с этими древними греческо-славянскими соответствиями выделяется более поздний пласт собственно «эпической» ономастики, проявляющий следы доисторических иранско-славянских контактов (пункт 4.2). Можно предположить, что «героические» двухчленные имена были изначально характерны для военной знати, а одночленные, производные имена, гипокористики и т. п. для низших сословий родового общества, хотя в историческую эпоху чёткого распределения нет (пункт 4.3).

Древнеиндийскими словами *svargá-* «небо» и *pṛthivī* «земля» иллюстрируется вытеснение основных лексем праиндоевропейского происхождения, в данном случае *dyáus* и *kṣam-*, первоначально маркированными словами поэтического языка, какими являются метафора «ход Солнца» и эпитет «Широкая, Плоская» соответственно; последнее замещение произошло и в части германских диалектов. На подобные лексические сдвиги надо рассчитывать во всех и.-е. языках, включая праславянский. Под пунктом 5.1. ваших проспектов дан отбор возможных примеров замещения в праславянском более древних названий сложными словами описательного характера, предположительно восходящими к фраземам «индоевропейского поэтического языка» [*\*agn'edъ*, *\*diviz(b)ma*, *\*dъžd'ъ*, *\*gavornъ*, *\*komon'ъ*, *\*let(o)-pyrъ*, *\*medvěďъ*, *\*q-pyrъ*, *\*sъ-mъrtъ*, *\*sykt'ъ*].

Здесь приведённые этимологии различной степени убедительности. Общепринята и бесспорна, пожалуй, только этимология слова *\*medvěďъ*. Во всех других случаях есть и другие возможности анализа и интерпретации, как производных суффиксальных (*\*div-izna* от *divъjъ*, *\*agn'ę-dъ* от *\*agnę*), префиксальных (*\*sъ-mъrtъ*, *\*sъ-dorvъ*), как звукоподражаний (*\*dъžd'ъ*, *\*gavornъ*, *\*sykt'ъ*), как заимствований (*\*komon'ъ*, *\*qpyrъ*). Дело в том, что, если действительно речь идёт о сложных словах, их первоначальная структура была уже в позднепраславянскую эпоху затемнена и подвержена переосмыслениям, отчасти обусловившим современные истолкования (*\*ga-vornъ* «ворон кричащий *ga!*» – но из совокупности вариантов проистекает праформа *\*garvornъ*; *\*div-izna* «дикое растение» – но дакийский синоним выявляет первичность формы *\*divizma*). Даже описательные названия *\*medvěďъ* и *\*let(o)-pyrъ* довольно рано потеряли свой эвфемистический оттенок и сами стали жертвами табуистического искажения в вариантах *\*nedvěďъ* и *\*net(o)-pyrъ*.

Кроме сложных слов, и некоторые несложные могут отражать праязыковые словосочетания. Н. пр., при очевидной связи между прасл. *\*drevъn-* и *\*dervo* семантическое развитие «дерево» > «древний» можно объяснить переносом значения, внутри формулы индоевропейского поэтического языка, с означаемой части её на означаемую; в том случае, *\*staro-drevъnъ* представляло бы собой не тавтологию, а первичный сложный вид прилагательного в значении

«принадлежащий старому (т.е. мировому) дереву; стар, как сам мир», из которого потом абстрагировано *древний* (пункт 5.2).

Ряд здесь рассматриваемых слов, прежде всего зоонимы *\*medvěďь*, *\*let(o)-pyrь*, *\*sykt'ь*, своим проникновением в основную лексику обязаны языковому табу. Эвфемистический характер присущ и словам *\*sь-mьrtь*, *\*o-pyrь*, но в самом деле они возникли в контексте языческого обряда трупосожжения. Кúльтового происхождения были бы и фитонимы *\*agn'edь*, *\*diviz(ь)ma*, последний с календарной мотивацией. Со другой стороны, возможно что *\*dьžd'ь*, *\*(staro-)drevьn-*, *\*komon'ь* восходят к стилистически маркированным выражениям языка устной поэзии. Итак приходим по меньшей мере к двум возможным источникам поэтических слов в праславянской лексике: языческому жречеству и бродячим певцам эпических песен, посещающим общенародные собрания и дворцы родовой знати. По отношению к простой речи их социолекты представляли собой высший языковой уровень, характеризующийся большей консервативностью, стремлением к описательности, предпочтением словосложения словопроизводству. В той связи приходится уточнить нами проведено различие между словосложение предпочитающим «раннепраславянским» и «позднепраславянским», в котором преобладало словопроизводство. Кажется, что распределение двух тенденций было не только хронологическое, а и социолингвистическое (5.3). Это не значит, что отдельные формулы «индоевропейского поэтического языка», как на пр. *жив здоров*, не могли сохраниться в простонародном употреблении (пункт 5.4).